

УДК 821.161.1-31.09

*Марина Волощук, аспірантка,
Каменець-Подольський національний університет
імени Івана Огієнко*

ЭПИТЕТНЫЕ СТРУКТУРЫ В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»

Стаття присвячена дослідженню своєрідності епітетів розгорненої структури — парних епітетів, трійчаток епітетів і епітетних ланцюжків в повісті Л. Толстого «Смерть Івана Ільича». Чітка організація парних епітетів і епітетних трійчаток дозволяє створити лаконічність опису і специфічну ритміку повісті. Парні епітети і епітетні трійчатки активно функціонують в описі персонажів, сприяють розширенню образного поля зображення і емпатичної картини світу, властивої повістям Л. Толстого пізнього періоду.

Ключові слова: одивнення, парні епітети, трійчатки епітетів, епітети, епітетні структури, епітетні ланцюжки, Л. Толстой.

Статья посвящена исследованию своеобразия эпитетов развернутой структуры — парных эпитетов, тройчаток эпитетов и эпитетных цепочек в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Четкая организация парных эпитетов и эпитетных тройчаток позволяет создать лаконичность описания и специфическую ритмику повести. Парные эпитеты и эпитетные тройчатки активно функционируют в описании персонажей, способствуют расширению образного поля изображения и эмпатической картины мира, свойственной повестям Л. Толстого позднего периода.

Ключевые слова: остранение, парные эпитеты, тройчатки эпитетов, эпитеты, эпитетные структуры, эпитетные цепочки, Л. Толстой.

The article deals with the research of the peculiarity epithets of extended structure — pairs of epithets, epithet triads and chains of epithets in the novella «The death of Ivan Ilyich» by L. Tolstoy. The accurate organization of the pairs of epithets and epithet triads allows creating laconic description and specific rhythm system of the novella. The pairs of epithets and epithet triads actively functioned in the description of characters and assist for the expansion of figurative view of description and emphatic pattern of the world, which is peculiar for the novellas of L. Tolstoy of the latest period.

Key words: ostranenie, pairs of epithets, epithet triads, epithets, epithet structures, chains of epithets, L. Tolstoy.

Интерес к исследованию поэтических особенностей художественной прозы Л. Толстого позднего периода (1880—1910 гг.) не угасает в последние десятилетия. Так, с появлением в 2000—2011 гг. диссертаций по изучению закономерностей поэтики поздней прозы Л. Толстого [8], художественной философии и поэтики [6], особенностей художественной антропологии [2], антиномии духовного и плотского в художественном творчестве Л. Толстого [5; 9] формируются новые подходы и методы в исследовании поздней художественной прозы писателя. В этих изысканиях в качестве доказательства гипотез привлекается материал дневниковых записей и переписки Л. Толстого. Однако, исследования поэтических особенностей литературно-художественных произведений позднего периода творчества писателя, несмотря на наличие огромного количества монографий, диссертационных работ и статей, не достаточно определили закономерности поэтики, собственные рассказы, повестям и романам 1880—1910 гг., до сих пор не сформировался комплексный подход к изучению позднего художественного творчества Л. Толстого.

Так, к повести «Смерть Ивана Ильича» (1882—1886) исследователи-толстоведы обращались в связи с решением общих проблем творчества Л. Толстого, выделения основных идейно-религиозных и философских своеобразия позднего художественного творчества писателя. Например,

М. Белянин, изучая особенности художественной антропологии позднего Л. Толстого, отмечает: «реконструируя путь жизненных исканий героев, типологичный пройденному Анной, в сюжете повестей и драмы «Живой труп», писатель намечает два варианта разрешения трагической жизненной ситуации: Касатский («Отец Сергей»), Иван Ильич («Смерть Ивана Ильича»), Позднышев («Крейцера соната») и Брехунов («Хозяин и работник») выходят из жизненных противоречий нравственно переродившимися, и тем самым Толстой сопоставляет их духовное самоопределение с благодатными итогами духовной биографии Левина, Болконского и Безухова» [2]. Таким образом, для М. Белянина критерий типологического сходства в историях и судьбах персонажей является одним из основных принципов для сопоставления и систематизации материала на основе художественной прозы Л. Толстого позднего периода. Мелкие детали, составляющие образа персонажей, как значимые в психологии и философии героев детально не рассматриваются и не включены в состав типологического сравнения персонажей в работе М. Белянина. Значимые эстетические категории поэтического языка позднего творчества писателя выпадают с исследовательского поля зрения.

Авторитетными и чрезвычайно значимыми в библиографии по изучению художественного творчества Л. Толстого являются работы, в которых предприняты попытки определения частных символических [11] и социально-философских [14] особенностей поэтики повести «Смерть Ивана Ильича» (1882—1886). Название, тематические и идейные особенности повести стали определяющими факторами для исследования символической тематики «света—тьмы», жизни и смерти в статье Н. Переверзевой. Используя в качестве иллюстративного материала эпитеты «**черный**» и «**белый**», Н. Переверзева приходит к выводу: «реалистические детали и образы, подготавливающие «свет» как центральный символ повести, — свечи, горящие у гроба и карточного стола, черно-белое решение цветовой гаммы — являются еще и образами-напоминаниями об истинных возможностях человека, об истинном его предназначении» [11, 89]. М. Щеглов, анализируя особенности характеристики «приятным и приличным» в повести «Смерть Ивана Ильича», выделяет их социально-философский смысл в описании персонажа. По мысли М. Щеглова, Иван Ильич самостоятельно стремится «заклучить свою жизнь, все ее проявления в рамки «приятности и приличия», то есть того, что общество считает «приятным и приличным». Но столь же постоянно и с нарастающей интенсивностью раскрывается содержание этой миловидной двуединой формулы, этого символа веры людей того же образа жизни, что и у Ивана Ильича, — распущенность, эгоизм, самоуслаждение, равнодушие к нуждам людей, животность во всем» [14]. Таким образом, Н. Переверзевой и М. Щегловым были предприняты попытки определить закономерности поэтики повести «Смерть Ивана Ильича». Эпитеты «**черный**», «**белый**», «**приятным и приличным**», как значимые составляющие сюжетно-композиционной организации повести, оказались чрезвычайно продуктивными и способными выделить особенности символического и социально-философского содержания повести «Смерть Ивана Ильича». Однако, сделанные попытки по выявлению специфики функционирования эпитетных структур, оказались не полные, поскольку не содержат комплексного исследования формальных и структурных характеристик эпитетов.

В современном толстоведении актуальным остается изучение формальных и структурных особенностей эпитетов и их эволюции в сюжетно-композиционной системе литературно-художественного произведения. Авторитетными в определении структурных типов эпитетов являются исследования «парных эпитетов» А. Потебни [12], «парных эпитетов» и «цепочек эпитетов» А. Веселовского [3], современных в эпитетологии изучений «парных эпитетов», «тройчаток эпитетов» и «эпитетных цепочек» В. Москвина [10].

Поэтическая система повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» не ограничивается эпитетными структурами (определяющие+определяемое) «**черный**», «**белый**», «**приятным и приличным**». В повести активно функционируют парные эпитеты и тройчатки эпитетов. Парный эпитет, т.е. эпитетная структура, которая состоит из двух определяющих синонимических или антонимических по семантике и контексту, присутствует во всех сюжетно-композиционных частях повести (экспозиции, завязке, кульминации, развязке). Тройчатки эпитетов, т.е. сочетания трех определений при одном определяемом, функционируют в завязке, кульминации и развязке.

В экспозиции повести отсутствует описание пространственно-временных условий жизни персонажей через призму восприятия деталей окружающего природного мира, свойственных художественной прозе Л. Толстого позднего периода. Например, в повести «Холстомер» (1863—1886), экспозиция расширена описанием природы, что обусловлено замыслом и идейно-тематическими особенностями повести: «**Всё выше и выше поднималось небо, шире расплывалась заря, белее становилось матовое серебро росы, безжизненнее становился серп месяца, звучнее — лес,**

люди начинали подниматься, и на барском конном дворе чаще и чаще слышалось фырканье, возня по соломе и даже сердитое визгливое ржанье столпившихся и повздоривших за что-то лошадей» [13, 3]. Структура эпитетов умеренно расширяется. Повторяющиеся эпитеты «**Всё выше и выше**», «**чаще и чаще**», простые по структуре эпитеты «**шире**», «**белее**», «**матовое**», «**безжизненное**», а также парные эпитеты «**сердитое визгливое**», «**столпившихся и повздоривших за что-то**» являются значимыми в создании эмфатической картины восприятия пространственно-временных особенностей повествования в литературно-художественном произведении «Холстомер».

В экспозиции повести «Смерть Ивана Ильича» (1882—1886) исключается наличие описания деталей окружающей природной среды. Внимание читателя сфокусировано на особенностях существования должностных лиц: «*В большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания по делу Мельвинских члены и прокурор сошлись в кабинете Ивана Егоровича Шебек, и зашел разговор о знаменитом красовском деле*» [13, 61]. В повествовании подчеркнута занятость и деловитость обстановки, созданной человеком («*большом здании*», «*судебных учреждений*») и благоприятной для служебной деятельности («*разговор о знаменитом красовском деле*») персонажей Ивана Егоровича Шебека, Федора Васильевича, Петра Ивановича. Эпитетные структуры практически отсутствуют в начале повествования, логические определения «*большом здании*», «*судебных учреждений*» и «*знаменитом красовском деле*» способствуют лаконичности повествования, сводят к минимуму образность изображения.

Постепенно вводятся парные эпитеты в описании предметов искусственной среды чиновников. Например, в описании бытовой детали газеты («**свежий, пахучий еще номер**» [13, 61]) парные эпитеты «**свежий, пахучий еще**» — значимые в характеристике отлаженности работы в создании благоприятной атмосферы службы чиновников. Парные эпитеты присутствуют и в характеристике персонажей. Так, в описании Шварца сосредоточено внимание на фигуре и лице персонажа: «*Лицо Шварца с английскими бакенбардами и вся худая фигура во фраке имела, как всегда, изящную торжественность, и эта торжественность, всегда противоречащая характеру игривости Шварца, здесь имела особенную соль ... Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца*» [13, 63]. Эта характеристика разделена на две части: общую, которая содержит описание привычного для персонажа общественного поведения — «*торжественность*», «*изящную торжественность*». В первой части задействованы простые по структуре эпитеты — «*худая фигура*», «*изящную торжественность*» и сравнительные эпитеты «*как всегда*», свидетельствующие о простоте устройства и обычности, которые обеспечивают легкость восприятия изображения. Вторая часть включает более детализированное, проявляющееся в зависимости от ситуации, описание выражения лица Шварца: «*с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом*». Так, в описании персонажа постепенно создается оксюморонность сочетания в трех эпитетах «*с серьезно сложенными — крепкими — игривым*». Серьезность персонажа является лишь видом для соответствующей ситуации, его характер игривости выражается во взгляде персонажа. Серьезность, как и торжественность «*всегда противоречащая характеру игривости Шварца*» являются несвойственными для Шварца. Описания Шварца симметрично двухчастные. Во второй части характеристики Шварца структура эпитетов усложняется от простого по структуре эпитета до тройчатки эпитетов — «*с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом*».

Определение «**как всегда**» вырастает из логической детали описания в эпитет. Повторяющееся определение «**как всегда**» в описании мертвого Ивана Ильича является значимым в образной системе характеристики повести. После известия о смерти Ивана Ильича в речи персонажей и повествователя он не называется по имени, его имя заменяется словами «*мертвец*», «*он*», что усиливает условность изображения.

Двухчастная характеристика персонажей, сменяется трехчастным описанием мертвого Ивана Ильича. М. Альтман особенно дорожил всеми нюансами и деталями в литературно-художественных произведениях писателя: «в поэтическом хозяйстве Льва Толстого отдельные художественные детали не самодовлеют, а связаны со всем поэтическим замыслом в целом, из него вытекают и, в свою очередь, этот замысел или дополнительно поясняют, или глубже оттеняют» [1, 3]. Так, значимость мельчайшей детали в системе литературно-художественного произведения Л. Толстого сохраняется на протяжении всех периодов творчества писателя. В развернутом описании «*мертвеца*» «отдельные художественные детали» выявляют нюансы и подробности процесса перехода от жизни к смерти: «*Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши очоленевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшейся головой на*

подушке, и выставлял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб с взлизами на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. Он очень переменялся, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано; и сделано правильно» [13, 64]. Описание «мертвеца» осуществляется сквозь восприятие Петра Ивановича, о чем сообщает повествователь. Сравнительный эпитет «как всегда» разделяет изображение на три части: «как всегда лежат мертвецы», «как всегда выставляют мертвецы», «как у всех мертвецов». В начале каждой части характеристики «мертвеца» после сравнительного эпитета «как всегда» следует парный эпитет «особенно тяжело, по-мертвецки утонувши», или парный эпитет в составе тройчатки: «свой желтый восковой лоб с взлизами», «красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого». Описание «мертвеца» разделено не только с помощью сквозного эпитета «как всегда». Трехчастная характеристика содержит стадии восприятия Петра Ивановича — констатация, подготовка к узнаванию, собственно узнавание и отождествление с Иваном Ильичом происходящего в комнате «мертвеца».

Первая часть — констатация факта смерти, которая содержит общее описание происходящего. Все детали описания свидетельствуют об отсутствии жизненности и обыкновенности в виде «мертвеца»: «Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшейся головой на подушке, и выставлял». Неподвижность и обычность происходящего выделяется эпитетами «по-мертвецки», «окоченевшими», «навсегда». Эти эпитеты фиксируют постепенное изменение в описании Ивана Ильича, нюансы утери прежнего жизненного состояния. Жизненность описания, которая содержится, например, в эпитете «согнувшейся» диалектически сочетается с нежизненными характеристиками. Проявление прежней жизненности состояния в эпитетной структуре «навсегда согнувшейся головой» подавляет эпитет «навсегда» как констатация бесповоротности реакций и процессов. Повторы «Мертвец», «мертвецы», «по-мертвецки» — сквозные в первой части и усиливают характеристику неподвижности, абсолютизируют явление человеческой смерти как обычного, не имеющего никакой значительности общественного события. Первая часть является общей характеристикой, констатацией увиденного Петром Ивановичем. Вторая часть — подготовка к узнаванию: «как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб с взлизами на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу». Вторая часть описания «мертвеца» содержит более динамичную и содержащую мелкие детали характеристику, которая достигается за счет активного функционирования эпитетных структур «ввалившихся висках», «торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу». Таким образом, конкретизация описания усиливается, но не отождествляется с характеристикой Ивана Ильича. Первая и вторая часть являются составляющими развернутого парного эпитета.

Третья часть — собственно узнавание: «Он очень переменялся, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого». Повествователь указывает на то, что Петр Иванович узнает Ивана Ильича, но в речи повествователя не называется его имя, лишь сопоставляется степень проявления его черт лица в результате утери жизненности («значительнее, чем оно было у живого»). Третья часть описания мертвого Ивана Ильича свойственна условности острого изображения. Таинство приближения Петра Ивановича к мертвому Ивану Ильичу заканчивается восприятием особенностей выражения лица «мертвеца» — «нужно было сделать, сделано; и сделано правильно», которое содержит стремления, свойственные всем чиновникам-карьеристам. Три составляющих характеристики выражения «мертвеца» суммируют все действия и их смысл, в который заключена служба Ивана Ильича. Все, как в зеркале, Петр Иванович видит требования общественной службы, причем наиболее важными являются первая и третья составляющая «нужно было сделать» и «сделано правильно». Увиденный «мертвец» и выражение его лица, а также вся обстановка изображения угнетающе действует на Петра Ивановича. Петр Иванович «вздыхнул еще глубже и печальнее» после того как его подозвала к себе жена «мертвеца».

Повествование о том, как Петр Иванович и вдова шли в комнату, а также их разговор сопровождается эпитетами, которые создают мрачную картину: «Войдя в ее обитую розовым кретоном гостиную с пасмурной лампой, они-сели у стола: она на диван, а Петр Иванович на расстроившийся пружинами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф ... Садясь на этот пуф, Петр Иванович вспомнил, как Иван Ильич устраивал эту гостиную и советовался с ним об этом самом розовом с зелеными листьями кретоне... вдова зацепилась черным кружевом черной мантилий за резьбу стола» [13, 65]. Мрачные картины неуютности об-

становки зафиксированы в эпитетных структурах: *«пасмурной лампой», «расстроившийся пружижами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф», «черным кружевом черной мантилий»*. Диалектически сочетаются светлые (*«розовым кретоном», «об этом самом розовом с зелеными листьями кретоне»*) и темные оттенки (*«черным кружевом черной мантилий»*). Упоминание о цвете кружева и мантильи в описании одежды вдовы — плеонастично и усиливает интенсивность действия угнетающего настроения Петра Ивановича: *«черным кружевом черной мантилий»*. Эффект остранения в эпитетной структуре *«пасмурной лампой»* достигается благодаря алогичности сочетания определяемого с определением. В «Кратком словаре эпитетов русского языка» Н. Ведерникова, зафиксированы определения *«мерцающая»* и *«тусклая»*, которые традиционно в литературно-художественных произведениях сочетаются с определяемым *«лампа»* [7, 71]. Поэтому случай сочетания определения *«пасмурный»* с определяемым *«лампа»* является уникальным толстовским приемом алогичного сочетания эпитетов. Описание обстановки комнат осуществляется сквозь восприятие Петра Ивановича. Повествователем указывается на то, что когда Петр Иванович обращает внимание на обои и мебель он называет Ивана Ильича по имени: *«Садясь на этот пуф, Петр Иванович вспомнил, как Иван Ильич устраивал эту гостиную и советовался с ним об этом самом розовом с зелеными листьями кретоне»* [13, 65]. Светлые тона контрастны с общей атмосферой происходящего. Предметный мир, старательно создававшийся Иваном Ильичом, как будто живет своей жизнью после его смерти: *«обитую розовым кретоном гостиную», «с пасмурной лампой», «расстроившийся пружижами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф»*. Это описание является ироническим изображением, свидетельствующим о присутствии Ивана Ильича в каждой вещи.

Весь смысл деятельности судебных служителей и чиновников в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», по мысли М. Щеглова, заключен в парных эпитетах *«приятный и приличный»*: «Слова «приятный и приличный», употребляемые Толстым с исключительной памфлетной хлесткостью, вмещают в себя представления о добре, смысле жизни, о нормах поведения во всем разнообразии житейских случаев. Это почти социальная характеристика круга Ивана Ильича» [14]. Однако, деятельность таких служителей как Иван Ильич лишь постепенно устанавливается в рамки *«приятной и приличной»* жизни. Поэтому М. Щеглов выпускает из виду эволюцию личностного и психологического становления чиновника Ивана Ильича. В повести «Смерть Ивана Ильича» можно проследить ступеньки карьерного роста и личностного развития на примере жизни Ивана Ильича. В начале карьеры Иван Ильич описывается как *«умный, живой, приятный и приличный человек»*: *«Он был не такой холодный и аккуратный, как старший, и не такой отчаянный, как меньшой. Он был середина между ними — умный, живой, приятный и приличный человек»* [13, 69]. В характеристике братьев активно функционируют парные эпитеты и тройчатки эпитетов. Структура эпитетов постепенно расширяется, сужается и опять расширяется, так, как будто в повествовании возникает потребность опоры на ключевые определения характера развития персонажа. В сравнительной характеристике братьев экономное описание старшего брата, которое заключено в парные эпитеты *«не такой холодный и аккуратный, как старший»* во многом коррелирует с описанием младшего — *«не такой отчаянный, как меньшой»*, но структура эпитетов свертывается к простому по структуре эпитету. Структура эпитетов расширяется в цепочку эпитетов в описании среднего брата — Ивана Ильича (*«умный, живой, приятный и приличный человек»*). Эпитетная цепочка в своей структуре содержит два парных эпитета — *«умный, живой»* и *«приятный и приличный человек»*. Показательным является сочетание эпитетов *«умный, живой»*, которые вынесены на первый план цепочки и не традиционны для характеристики чиновников в повести «Смерть Ивана Ильича». Вторая пара эпитетов в цепочке логически завершает характеристику. В эпитетной цепочке *«умный, живой, приятный и приличный человек»* совместились настоящее и будущее Ивана Ильича. Настоящее — констатация жизненной активности персонажа, свойственной человеку от природы (*«умный, живой»*), будущее — то кем он станет впоследствии карьерного роста чиновника (*«приятный и приличный человек»*), искусственно приобретенные навыки и умения персонажа.

Каждый период жизни Ивана Ильича сопровождается характеристиками, которые содержат сквозной эпитет *«новый»*. Во время первого назначения в провинцию Иван Ильич *«с новыми модными чемоданом, бельем, платьем, бритвенными и туалетными принадлежностями и пледом, ... уехал в провинцию на место чиновника особых поручений губернатора»* [13, 70], на котором он устроил себе *«легкое и приятное положение»* [13, 70]. Простой по структуре эпитет *«новый»* коррелирует и предопределяет изменения в характере персонажа. Парная эпитетная характеристика *«легкое и приятное положение»* — первая ступенька служебных достижений Ивана Ильича, оценка начала служебного пути чиновника. Именно парная эпитетная структура *«легкое*

и приятное положение» послужила превращению его жизни и службы в *«приятное»* и, считающееся *«правильным»* существование. Эпитет *«новый»* фигурирует в характеристике назначений Ивана Ильича. Так, когда открылись *«новые судебные учреждения»* понадобились *«новые люди»* и он стал *«новым человеком»*, которому понадобилось *«бросить установившиеся отношения и устанавливать новые»* [13, 71]. Ивана Ильича назначили судебным следователем, поэтому он стал *«таким же comme il faut'ным, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающим общее уважение, каким он был чиновником особых поручений»* [13, 71]. В описании другого назначения Ивана Ильича раскрывается романтика службы чиновника, открываются *«новые»* перспективы карьерного роста — *«дело ... новое», «новый город», «новые знакомства», «по-новому поставил себя»* [13, 72]. Поэтому очередное назначение повлекло за собой изменения в характере поведения Ивана Ильича — *«принял тон легкого недовольства правительством, умеренной либеральности и цивилизованной гражданственности»* [13, 72]. Простой по структуре эпитет (*«легкого недовольства»*) функционирует в составе тройчатки эпитетных структур (*«легкого недовольства», «умеренной либеральности», «цивилизованной гражданственности»*), в которой совмещается характеристика политической и гражданской позиции Ивана Ильича.

Причиной изменений в характере персонажа, служит изменение статуса, которое в корне перенаправляет его привычный жизненный круг. Женитьба нарушила гармонию жизни, с вступлением в брак традиционные для характеристики Ивана Ильича парные эпитеты *«легкое и приятное», «comme il faut'ным, приличным»* сменяются простыми по структуре эпитетами *«приятное», «правильным»*: *«Иван Ильич женился по обоим соображениям: он делал приятное для себя, приобретая такую жену, и вместе с тем делал то, что наивысшие поставленные люди считали правильным»* [13, 73]. Постепенно структура эпитетов усложняется тройчатками эпитетов. Эта особенность сказывается на степени повтора сквозного эпитета *«новый»*: *«первое время брачной жизни, с супружескими ласками, новой мебелью, новой посудой, новым бельем»* [13, 73]. Тройной характер повтора эпитета *«новый»* способствует раскрытию романтики семейной жизни Ивана Ильича. Эпитет *«новый»* свободно включается в эпитетную цепочку: *«что-то такое новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться»* [13, 73]. Эпитет *«новый»*, которому прежде свойственно дистантное расположение частично является причиной изменения качественных перемен в поведении и характере Ивана Ильича преимущественно позитивных и выгодных для его карьерного роста. Эпитет *«новый»* в результате соединения в эпитетной цепочке с семантическими модификациями, антонимичными эпитетам *«приятный»* и *«приличный»* приобретает негативные семантические коннотации. Качественные характеристики служебной деятельности Ивана Ильича сменяются парными эпитетами *«легким и приличным», «легко и приятно»* [13, 74]. Семейная жизнь устанавливается Иваном Ильичом *«так, как он считал, что она должна была быть: приятно и прилично»* [13, 76]. Именно после женитьбы и повышения на службе жизнь Ивана Ильича устанавливается так как *«она должна была быть: приятно и прилично»*.

Для эпитетов характерно постепенное структурное развертывание и свертывание. Развертывание эпитетов в описании служебной деятельности Ивана Ильича происходит от простых по структуре (*«новой мебелью»*) к развернутым — парным эпитетам (*«легким и приличным»*) и к наиболее развернутым — цепочке эпитетов (*«что-то такое новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться»*). Структурное сужение эпитетов до уровня парных эпитетов (*«приятно и прилично»*) является финальным в описании переворота семейной жизни Ивана Ильича.

Последнее назначение Ивана Ильича приносит позитивные изменения в семейную жизнь и служебную деятельность персонажа, но имеет социально-прагматичный характер. Прежняя романтика и авантюра будущей жизни, новых назначений, нового дела (*«дело ... новое»*), *«новый город», «новые знакомства»* сменяются другими требованиями и потребностями к комфортной и удобной жизни. Так, *«новое лицо»* [13, 77], *«нового устройства жизни»* [13, 78], *«на новом месте»* [13, 78], *«новая служба»* [13, 79], *«в новом помещении»* [13, 80], *«с новыми средствами»* [13, 80] свидетельствуют о перемене жизненных ориентиров и приоритетов персонажей. Наиболее прагматичными, которые выявляют социально-прагматические приоритеты Ивана Ильича, являются эпитетные структуры *«в новом помещении», «с новыми средствами»*. Три определения, не свойственные прежней характеристики персонажа, сочетаются в эпитетной структуре — тройчатке эпитетов: *«Но вообще жизнь Ивана Ильича пошла так, как, по его вере, должна была протекать жизнь: легко, приятно и прилично»* [13, 80]. Указанная тройчатка эпитетов свободно функционирует в эпитетной цепочке *«Дело это шло у Ивана Ильича не только легко, приятно и*

прилично, но даже виртуозно» [13, 81]. Три качества, важные в жизни Ивана Ильича, закрепляются в сочетании эпитетов «*приятность легкой и приличной жизни»* [13, 81]. В эпитете «*приятный*» меняются формальные характеристики, такие изменения В. Жирмунский [4], и, вслед за ним В. Москвин [10], называют «отвлечением эпитета». Поэтому в эпитетной структуре сочетаются определения разной формы — отвлеченный эпитет («*приятность*») и адъективные («*легкой и приличной*»). После того, как у Ивана Ильича открывается болезнь, эпитеты «*новый*», «*легко, приятно и прилично*» не присутствуют в повести. Функционирование этих эпитетов обусловлено выявлением особенностей изменения психологических характеристик персонажа в процессе служебной деятельности и построении философской системы жизни Ивана Ильича. Эти характеристики связаны с его карьерным ростом, а в связи с болезнью Иван Ильич постепенно перестает работать, и, по словам родственника жены, приобретает характеристику «*мертвый человек*»: «*он мертвый человек, посмотри его глаза. Нет света*» [13, 89]. Три качества «*легко, приятно и прилично*», сопровождавшие «*новые*» назначения Ивана Ильича перестают функционировать в тексте повести. Таким образом, жизнь чиновника Ивана Ильича развивается от двуединой формулы «*легкое и приятное*», «*приятно и прилично*» в трехединую «*легко, приятно и прилично*». В кульминационной части повести эпитетные структуры развиваются в развернутые эпитетные характеристики, включающие парные эпитеты, эпитетные тройчатки и эпитетные цепочки.

Таким образом, в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» эпитетам свойственна собственно толстовская манера алогичного сочетания определения и определяемого («*пасмурной лампой*», «*расстроившийся пружинами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф*»), которая в системе повести становится вполне логичной и оправданной. Мельчайшие детали в описании мертвого Ивана Ильича являются значимыми в изображении процесса острого восприятия ситуации Петром Ивановичем. Эпитеты «*новый*», «*легкий*», «*приятный*», «*приличный*» — сквозные в описании служебного и жизненного пути чиновника Ивана Ильича. В повести мастерски изображается путь судебного служащего до высокого чина, изменения психологических черт личности и приоритетов. Парная эпитетная характеристика «*легкое и приятное положение*» является началом жизненных превращений и приобретение состояния «*приятно и прилично*» и «*не только легко, приятно и прилично, но даже виртуозно*». Формула «*приятно и прилично*» становится философской категорией, которой Иван Ильич руководится на службе и в семье. Описание четко определенной структуры благодаря заключению характеристики персонажа в двуединую и триединую формулу, выраженное в парных эпитетах и эпитетных тройчатках. Заключение описания персонажа в рамки дву- и триединных формул создает своеобразную ритмику повести и позволяет выделить собственно толстовскую традицию изображения и выразительности эпитетов, свойственных литературно-художественным произведениям Л. Толстого позднего периода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альтман М. Читая Толстого. / М. Альтман. — Тула : Приокское кн. изд-во, 1966. — 147 с.
2. Белянин М. Ю. Художественная антропология позднего Л. Н. Толстого: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Белянин Михаил Юрьевич. — Липецк, 2007. — 193 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-antropologiya-pozdnego-ln-tolstogo>
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. / А. Н. Веселовский. — М. : Высшая школа, 1989. — 405 с.
4. Жирмунский В. М. Задачи поэтики / В. М. Жирмунский // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Ленинград : Наука, 1977. — 404 с.
5. Кешишев А. Г. Антиномия духовного и плотского в художественном творчестве Л. Н. Толстого 1880—1890-х годов: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Кешишев Артем Георгиевич. — Армавир, 2010. — 165 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/antinomiya-dukhovnogo-i-plotskogo-v-khudozhestvennom-tvorchestve-ln-tolstogo-1880-kh-1890-kh>
6. Кочешкова Л. Е. Художественная философия и поэтика «малой прозы» Л. Н. Толстого в свете проблемы целостности: от повести «Казак» к рассказу «Алеша Горшок»: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Кочешкова Любовь Евгеньевна. — Санкт-Петербург, 2005. — 193 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-filosofiya-i-poetica-maloi-prozy-ln-tolstogo-v-svete-problemy-tselostnosti>
7. Краткий словарь эпитетов русского языка [учебное пособие] — Ведерников Н. В. / Н. В. Ведерников. — Л. : лгпи им. А. И. Герцена, 1975. — 201 с.
8. Ломакина С. А. Поэтика поздней прозы Л. Н. Толстого: Повести и рассказы 1885—1902 годов:

- автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Ломакина Светлана Александровна. — Елец, 2000. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poetika-pozdnei-prozy-l-n-tolstogo-povesti-i-rasskazy-1885-1902-godov>.
9. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России / Ольга Матич [Авторизованный пер. с английского Елены Островской] — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 400 с., ил.
 10. Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления / Василий Москвин // Сучасні проблеми епітетології. — 2011 — Вип. 1. — 167 с.
 11. Переверзева Н. А. Поэтика художественного символа в повестях Л. Н. Толстого "Смерть Ивана Ильича" и "Крейцера соната" / Н. А. Переверзева // Идейно-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века. — М. : МГПИ, 1985. — 167 с.
 12. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — М. : Высшая школа, 1990. — 344 с.
 13. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 90 т. / Толстой, Лев Николаевич — М. : Художественная литература, 1935 — 1958.
 14. Щеглов М. Любите людей: Статьи. Дневники. Письма. — М.: Советский писатель, 1987. — 512 с. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/304316/read>